

Веч Москва. — 1993. — 8 сент

Первое впечатление

Трагическая летопись

Книга Эдварда Радзинского называется «Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть» (издательство Вагриус, М., 1993 г.)

Я затрудняюсь определить жанр этой книги — историческое исследование? Исторический роман? Документальная повесть? Не знаю. Знаю только, что читается она залпом, взхлеб, ошеломляет обилием удивительных, ошеломляющих подробностей, почти мистических сопоставлений, неожиданных открытий, пугающих совпадений, страшных, кровавых «каламбуров». Но самое потрясающее — это подробности, подробности, с пугающей точностью рисующие суть трагических ситуаций, характеров, взаимоотношений, дворцовых ритуалов и революционных бесчинств. Невероятная скрупулезность талантливого до тошного исследователя сочетается с живописностью картин, которые иногда возникают в воображении автора, в его фантазии, воспаленной тем или иным документальным свидетельством.

Видишь, что Радзинским изучен огромный материал, наверное, все, что в мире было написано о Николае и Александре. И открыты, приведены свидетельства и документы еще никому не известные.

Первый в России, он осторожно и в то же время смело касается тайны судьбы сына царя и его дочери Анастасии.

История падения великой империи переплетается с историей великой любви императора и императрицы. Простодушие Николая и ядовитая паутина интриг вокруг него, девическая чистота великих княжен, безгрешность отрока-цесаревича и буйный, смрадный разгул Распутина. Патриархальность родственных отношений в огромной семье Романовых и коварство их коронованных родственников в Англии и Германии. Бесконечный, парадный, пышный спектакль, которым была жизнь императорской четы, и их вечное стремление к уединению, к самым простым семейным радостям.

Все или почти все венценосцы так или иначе более или менее были лицедеями.

Иван Грозный с его иступленными молитвами в монастырях и кровавыми игрищами опричнины, Петр Первый в роли шкипера и плотника. Елизавета в маскарадных мужских мундирах, великая, неотразимо обаятельная лицедейка Екатерина II, страшные мистификации Павла I, обольстительный лицемер Александр I, Николай I — идол, грозный фанатик самодержавия, романтический Александр II, Александр III в обличье бородатого русского мужика — у каждого своя роль, свой театр.

Пожалуй, один только Николай II не лицедействовал, не актерствовал вовсе — он был естествен и прост, как никто из русских самодержцев. Зато императрица Александра Федоровна обладала силой и темпераментом трагической актрисы, до самой последней черты сохраняя образ скорбного величия. Страстно влюбленные юноша и девушка, нежные жених и невеста, бесконечно привязанные друг к другу супруги, несчастные царь и царица — они, как живые, встают со страниц книги Радзинского.

Я уже говорил о том, как поражают многие детали, рассыпанные в книге. Умолчу о невыносимо страшных, наоборот, приведу неожиданно теплые или романтические — оказывается, в заточении Николай играл чеховского «Медведя» с дочерью Ольгой. А она

взяла с собой «Орленка» Ростана на французском языке, историю сына свергнутого Наполеона, который боготворил отца так же, как она обожала своего. После премьеры «Орленка» в моем театре мне подарили роскошную книгу «Орленка», изданную в Париже в 1910 году. Я смотрю на дивные иллюстрации и думаю: может быть, у великой княжны было именно это издание?

Я говорил о том, что трудно определить жанр книги Радзинского. Пожалуй, вернее всего будет определить ее как драматическую хронику. В ней, несомненно, присутствует яркое драматургическое начало, непрерывное «действенное» напряжение, острота борьбы, кульминации политических и психологических столкновений, диалогов, неотвратимая, беспощадная поступь исторических закономерностей и взрывы, вспышки странных случайностей, неожиданностей.

Книга представляет собой драму или, скорее, великолепный сценарий, в котором проявляется большое «монтажное» искусство автора — он часто добивается сильного эффекта простым сопоставлением, соединением документов, фактов, событий.

На Московской международной книжной ярмарке 11 сентября писатель Эдвард Радзинский у экспозиции издательства «Вагриус» встречается с читателями в 12 часов. А накануне вечером — в Доме ученых — презентация книги «Господи... спаси и умири Россию».

Не случайно в книге присутствует фигура старой актрисы Веры Леонидовны Ю., чьи рассказы записывал Радзинский, ибо она была не участницей, а современницей трагических событий. Ее скептическая мудрость в соединении с талантливой театральной экзальтацией делают ее интересным, своеобразным комментатором эпохи.

Я разгадал, кто эта актриса — В. Л. Юренева, — сама фигура творчески и исторически парадоксальная, известная гастролерша, игравшая роковых, надломленных женщин Пшибышевского, Леонида Андреева, порочную героиню скандально знаменитой «Ревности» Арцыбашева, а в годы революции воплотившая мятежную Лауренсию в легендарном спектакле К. Марджанова «Овечий источник».

Революция, в конце концов, лишила ее славы, но в своих «записках» она была вынуждена воспевать ее и делала это достаточно наивно и даже фальшиво: «...вооруженные люди, широко открыв ворота, уезжали на грузовиках, возвращались и снова торопливо и озабоченно мчались куда-то... Я сидела на подоконнике и следила за их действиями до утра. Смотрела через стекло, как люди делают революцию...»

Читая книгу Радзинского, я вспомнил ее, эту актрису, вспомнил, что видел ее в ВТО, в спектакле областного театра, где она играла с К. Вахтеровым Каренину в «Живом трупе». Вспомнил ее особую, грациозно шаткую походку, огромные, лихорадочно блестящие, сильно подведенные глаза, низкий капризно ломкий голос.

И вот, один из персонажей книги как живой стоит передо мной. Это немудрено, я Юрeneuve видел в жизни и даже на сцене. Ее роль в книге не так уж велика. Других действующих лиц я, разумеется, не видел, не знаю. Но мне кажется, что и они проходят перед моим внутренним взором, как живые.

Не только потрясающие факты, сведения, от которых порой стынет кровь, но живые люди, в живой совокупности достоинств и слабостей, в сложном скрещивании их судеб встают со страниц книги, каждая часть которой предвещается текстом Евангелия.

Прибавьте к этому уникальные фотографии и фотокопии документов, и вы поймете, что книга Э. Радзинского — замечательный плод многолетнего, благородного и талантливого труда.

Как хорошо, что популярный драматург когда-то был студентом Историко-архивного института и решился на это тщательное и вдохновенное исследование, на эту трагическую летопись.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.

